

СТАБИЛЬНЫЙ КРИЗИС В НЕСТАБИЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ

Алексей Криволап

*Кризис — это вечное настоящее.*¹

М. Фуко

В данной статье я попытаюсь представить одну из возможных интерпретаций событий, развернувшихся в марте 2006 г. вокруг президентских выборов в Беларуси и той роли, которую сыграли средства массовой информации. На мой взгляд, эти события отчетливо выявили существующий разрыв в понимании того, что такое общество сегодня, каким оно репрезентируется масс-медиа и каким оно переживается нами в ощущениях. Когда от монолитной иерархической структуры, находящейся на реконструкции с момента обретения республикой независимости, менее чем за три месяца остались только хаотично разбросанные обломки былой целостности, очень напоминающие строительный мусор.

Этот текст не является попыткой отстраненного описания событий, свидетелем которых довелось стать. Скорее, это попытка оценить изменения, которые в момент свершения не воспринимаются как значимые и эпохальные. Что касается методологии, то метод сбора эмпирической информации можно назвать методом включенного наблюдения. Хотя коротко стриженные люди в кожаных куртках, заполонившие центр Минска в марте, могут рассказать намного больше интересного о наружном и включенном наблюдении в этот период.

В этом тексте предпринимается попытка применения различных теорий и подходов к интерпретации политического тела общества, когда «теория — это нечто вроде ящика с инструментами»², которые можно использовать для создания и конструирования различных проектов.

События этой политической кампании существенно изменили воображаемое социальное пространство. В период выборов общество находится в наиболее политизированном состоянии. Политическая составляющая может интерпретироваться как основа для конструирования национальной идентичности не по этническому признаку. Согласно концепции Б. Андерсона, нация воспринимается как воображаемое политическое сообщество. «Оно воображаемое, поскольку члены даже самой маленькой нации никогда не будут знать большинства своих собратьев-понации, встречаться с ними или даже слышать о них, в то время как в умах каждого из них живет образ их общности».³

Повышенное внимание к политической составляющей социальной жизни привело к обсуждению проблемы о месте и роли

в обществе критического интеллектуала, но в то же время спровоцировало обращение к большой проблеме «маленького человека». Когда десять миллионов «маленьких людей» где-то глубоко в душе переживают происходящее и утешают себя, амнистируя свое бездействие вопрошанием: «Что я один мог сделать?». Безразличное участие и пассивность — это активный способ участия в общественно-политической жизни общества.

Лотерейный билет vs избирательный бюллетень

В январе 2006 г. в подземном переходе на площади им. Я. Коласа в Минске можно было наблюдать сцену, «отражающую» осмысление белорусским голосующим большинством проблемы и значимости предстоящих выборов. Справа от выхода из метро располагались столики сразу нескольких инициативных групп кандидатов в президенты (Позняка, Козулина, Милинкевича), собиравших необходимые для регистрации в Центризбиркоме подписи. Часто около этих столиков кроме сборщиков подписей никого не было. А у противоположной стены подземного перехода стоял распространитель лотереи «Суперлото», вокруг которого практически всегда толпились жаждущие супервыигрышей, а иногда даже выстраивалась очередь, чтобы купить билет. Но к противоположной стене перехода, к столикам, из этой очереди мало кто подходил. Зачем? Ведь результаты этого «розыгрыша» стабильности заядлым игрокам в азартные игры с государством был известен заранее...

С момента объявления даты проведения выборов, в декабре 2005 г., до дня «Х» — 19 марта 2006 г. — в течение трех месяцев официальные белорусские медиа активно конструировали реальность, в которой выборам отводилось далеко не первое место. Объявление даты выборов «случайно» совпало с рождественской и новогодней лихорадкой поисков и покупок подарков, а в поддержании интереса к этой знаменательной дате в сфере консюмеризма медиа играли решающую роль. Затем пришло время других подарков — к 14 февраля, 23 февраля и 8 марта. К обязательным дарам, состоящим из букетов и наборов парфюмерии, добавились специальные розыгрыши «народных лотерей». К каждой из дат были приурочены особенные тиражи с особенно желанными призами. Кроме бесконечной череды праздников эфир дополнили зимние Олимпийские игры в Турине. Правда, в силу того что белорусские спортсмены завоевали только одну медаль, олимпиада не очень активно использовалась в пропагандистских целях. Затем эстафету главного события года приняло III Всебелорусское собрание. Не выборы, а именно это собрание. На его фоне сами выборы оказались лишь в роли «экзамена», который власть сдает народу, но не сдать который она просто не может. Точнее, ситуация была сконструирована таким образом, что благодарный и стремящийся к стабильности народ просто не мог не принять экзамен. III Всебелорусское собрание «допустило» к сдаче «экзамена», попутно одобрив программу действий и развития Беларуси на следующую пятилетку. Порядковый

номер был упущен из поля зрения, и пятилетка превратилась в очередную или вторую пятилетку XXI века. При этом выборы должны были стать механизмом легитимации фантазма – монолитной и единой Беларуси, которая выбирает стабильность.

Краеугольным камнем белорусской пропаганды в период президентских «Выборов–2006» стали рассуждения о сплоченности общества, его монолитности и единстве. Хотя этот фантазм монолитного белорусского общества не был «прорисован» даже эскизно, он преподносился так, как представляют скрытый под белой тканью новый памятник. Когда его контуры угадываются с большим трудом, но повода сомневаться, что под этой тканью вообще что-то есть, нет.

Думаете, что наиболее значимым событием 19 марта были выборы президента? Оказывается, что нет. По крайней мере для десятков тысяч белорусских граждан, которые выбрали и рублем проголосовали за право стать счастливыми обладателями билетов «Суперлото». Именно розыгрыш «Суперлото» был более значимым событием, чем президентские выборы. Несколько счастливых 19 марта стали обладателями новых автомобилей. Иными словами, в Беларуси есть несколько человек, которые стали безмерно счастливы именно 19 марта...

Если бы лото не существовало – его просто стоило бы изобрести для обеспечения стабильности по-белорусски. Это раньше, для того чтобы отвлечь население от насущных проблем, надо было развязать войну. Теперь достаточно просто культивировать и поддерживать веру в халяву и жажду легкого и быстрого обогащения – лотереи. Что делать, азартные игры увлекают, а азартные игры с государством увлекают тотально.

Собственно, во время выборов можно выделить несколько ситуаций, когда приходится делать выбор. Ведь выборы не сводятся только лишь к выбору фамилии кандидата в избирательном бюллетене. Это и выбор идти на выборы или «проголосовать ногами», оставшись дома. Это и выбор, куда идти после выборов: к кормушке с доступным «кормом» или на голодную и замерзающую площадь. Это и выбор стратегии дальнейших взаимоотношений со своими близкими, которые, например, проголосовали иначе. Это и выбор своих дальнейших действий, после того как будут объявлены результаты голосования. Вот если бы каждый бюллетень был бы одновременно и лотерейным билетом, чтобы можно было и проголосовать, и машину выиграть, то тогда ценность и значимость выборов намного бы возросла...

Официальная точка зрения на выборы сводилась к тому, что выборы – это праздник, а во время праздника люди должны отдыхать. Ведь на следующий день всем, как обычно, надо идти на работу. Не ясно и не понятно, каким праздником является день голосования? Так как значительная часть белорусской идеологии основывается на счастье потребления и возможности обладать какими-то материальными ценностями, то и праздники должны быть подобающими: дешево и сердито. Сам момент голосования занимает не более пяти

минут, конечно, если не придется долго искать урну с бюллетенями. Но эти пять минут должны быть достойно вознаграждены. Поэтому для исполнившего свой гражданский долг электората предлагаются простые и понятные человеческие радости: вкусно покушать и недорого выпить. В результате, каждый избирательный участок оказался по-своему уникальным. Но в то же время все избирательные участки были похожи друг на друга, как две капли водки на столе в школьной столовой, переоборудованной в буфет на время волеизъявления и возлияния электората.

Из личных наблюдений. Как можно с уверенностью смотреть в демографическое будущее Беларуси, когда на импровизированном концерте, организованном силами школьной самодеятельности, восьмиклассницы под фонограмму «минус один» поют хит сексуальной «ВИА Гры» *Моя попытка номер пять...* Да-да, в восьмом классе уже пятая попытка, но все еще неудачная. Эмпирическим путем также удалось установить, что попасть в школьный буфет гораздо проще, чем в кабинку для голосования. Как бы ни старался, а мимо яств и напитков не пройдешь. В школьных столовых еще вчерашние школьники, а сегодня уже достигшие 18 лет избиратели, задорно разливали в одноразовые пластиковые стаканчики водку и запивали ее пивом. К ним на правах исполнивших свой гражданский долг присоединились граждане маргинального вида, которые если бы не выборы, то и не решились бы войти в школу или их не пустил туда вахтер. Единство электората обрело вполне осязаемые и даже обоняемые формы. Над формулировкой тостов задумываться не приходилось: «Ну, “За Беларусь!”»

Телесное переживание социального

Одним из вариантов осмысления социального есть телесное переживание его как процесса. Социальные отношения могут быть схвачены на уровне телесности, когда практики тела (в том числе ограничение физического пространства и свободы передвижения) конструируют телесные переживания социального. Возникает ситуация, когда «реальность повседневной жизни организуется вокруг “здесь” моего тела и “сейчас” моего настоящего времени»⁴. Но подобные пространственные и темпоральные переживания характерны не для индивидуальных практик, а связываются с множеством индивидов. В результате индивидуальная «реальность повседневной жизни я разделяю с другими людьми»⁵. Возникает ситуация, когда «на одном полюсе континуума находятся те другие, с которыми я часто и интенсивно взаимодействую в ситуациях лицом-к-лицу. Это, так сказать, “мой круг”. На другом полюсе – крайне анонимные абстракции, которые по самой своей природе никогда не могут стать доступными взаимодействию лицом-к-лицу. Социальная структура – это вся сумма типизаций и созданных с их помощью повторяющихся образцов взаимодействия. В качестве таковой социальная структура является существенным элементом реальности повседневной жизни»⁶.

Мартовские события привели к тому, что многополярность общества исчезла, а остался только «свой» понятный полкус при полном отрицании даже возможности существования других. Общество незаметно для себя отказалось от такой важной функции, как взаимодействие между большинством и меньшинством. Общество утратило потребность в том, чтобы услышать другое мнение, отличное от мнения большинства. Здесь возникает другой вопрос: может ли подобное социальное образование трактоваться как общество, или это уже что-то другое?

После 19 марта...

Журналисты склонны драматизировать и приукрашивать происходящее, стараясь найти и сформулировать как можно больше эпыхальных событий. Некоторые из дат превращаются в имена собственные, например 11 сентября. Возможно, что событием подобной значимости для белорусского медиа-пространства стало 19 марта 2006 г.

Напряжение, которое имеет место быть во взаимоотношениях между людьми после 19 марта, только усиливается. Так получилось, что межличностная коммуникация обогатилась еще одним «щекотливым» вопросом. Трудно даже сказать, насколько интимным и сокровенным является вопрос: «Ты пойдешь сегодня на площадь?» Ведь для госслужащих, людей, работающих по годовичному контракту, студентов и многих других даже обсуждение возможности участия в митинге уже таит в себе некоторую опасность. Опасность потерять работу или учебу. Но что удивительно, этот страх одновременно рационализируется и преподносится как стабильность и уверенность в завтрашнем дне. Уверенность в том, что если лично я ничего не сделаю и, главное, не попытаюсь сделать, то завтра будет как сегодня, а это уже стабильность и уверенность в завтрашнем дне! «В отношениях субъекта и сообщества, к которому он принадлежит, всегда существует такая парадоксальная точка *choix force*, где сообщество говорит субъекту: у тебя есть свобода выбора, но лишь при условии, что ты совершишь правильный выбор».⁷ Не обсуждая моральные категории «правильного» выбора, можно сказать, что в белорусской ситуации представители различных страт одного «монолитного» общества имели диаметрально противоположные представления о «правильном» выборе.

Для поиска ответа на вопрос о (не)выходе на площадь (как тех, кто был на площади с 19 по 24 марта, так и тех, кто убедил себя остаться дома) можно определить две возможные стратегии. С одной стороны, если говорить о социальном действии и становлении себя через обретение собственной видимости в глазах других, то тогда выход на площадь есть значимая составляющая в формировании коллективного проекта. Осознания собственной причастности к социальной группе. С другой стороны, если решение выйти на площадь и заявить о своей

позиции является результатом индивидуального выбора – выбора, основанного на личной ответственности, прежде всего перед собой.

В обоих случаях выход в публичное пространство есть результат проявления гражданской позиции, основанной на различных стратегиях конструирования собственной идентичности. Выход «на люди» предполагает наличие живых свидетелей, способных подтвердить, что этот человек был тут и тогда. Выход «перед самим собой» не предполагает никакой внешней фиксации данного акта, главным результатом которого является нематериальная ценность – возможность смотреть себе в глаза (не стоит понимать это буквально – как самолюбование в зеркале, например) и ответственность перед самим собой.

Это различие в мотивации участия в мартовских событиях не является мелочным и несущественным. Это своего рода мина замедленного действия, когда внешняя целостность и монолитность группы оказывается только видимостью. Так получается, что перед самим собой человеку всегда легче оправдаться и объяснить свои действия, чем сохранить лицо перед референтной группой. Впрочем, все эти проблемы свойственны и тем, кто ни разу так и не пришел на площадь. «Монолитное белорусское общество» не проявило никаких признаков радости по поводу «ошеломительных результатов» выборов. Среди них тоже ведь есть те, кто выбирал с оглядкой на свою референтную группу, и те, кто выбирал, руководствуясь «собственными», почерпнутыми из масс-медиа представлениями.

Здесь уместно вспомнить украинские события в период президентских выборов 2005 года, когда после победы В. Ющенко и его сторонников всем «жителям» оранжевого палаточного городка на Крещатике выдали свидетельства участников. Конечно, это не медали «за великое стояние» или «за взятие демократии», но очевидное стремление пополнить социальный капитал еще одним символом. Это как бы внешнее подтверждение индивидуальных заслуг.

Трудно сказать, почему желающих быть честными в глазах других с завидным постоянством оказывается больше, чем желающих остаться честными перед самими собой. Может быть, сказывается память о значимости в СССР значков ГТО, «Ворошиловский стрелок» и пр.? Или белорусское общество все еще сковано традициями коллективной деятельности: а что люди скажут?

Из личных наблюдений. Из поля всеобщего внимания как-то выпало то обстоятельство, что на Октябрьской площади в Минске 20–23 марта действовал не только палаточный лагерь, но и еще один социально-культурный объект – ледовый каток и пункт проката коньков. За пять тысяч белорусских рублей в час (около \$2,2) можно было взять коньки и, не торопясь, совершенствовать конькобежные навыки. Так же недорого, за две тысячи белорусских рублей, можно было заточить собственные коньки. Трудно даже представить себе более нелепую и несовместимую картину, когда в одном месте, в одном городском топосе, в одно и то же время оказываются рядом и умудряются мирно сосуществовать представители несовместимых

взглядов и ценностных ориентаций, которые при этом подпадают под безразмерное понятие «монолитное белорусское общество». Что общего, кроме цвета национального паспорта, у человека, рискующего индивидуальной свободой и испытывающего(-ей) физические страдания на морозе, с одной стороны, и фанатичного сторонника здорового образа жизни, убежденного в том, что ОМОН, палатки и массовые аресты не помеха катанию на коньках, — с другой?

Кстати, 25 марта, в «Дзень Волі», официальной причиной, почему нельзя пройти на Октябрьскую площадь, стала работа техники по «демонтажу» катка и вывозу остатков льда и снега...

Революций на трезвую голову не бывает?

Репрезентация белорусским телевидением жизни палаточного лагеря на Октябрьской площади не отличалась оригинальностью. Традиционный набор штампов о пьяных подростках, которых грязно и цинично используют в своих целях лидеры оппозиции. Визуальный ряд для данного нарратива был не менее банален: пиво — молодежь — пиво. Понятно, что было еще много событий и мелких деталей, отсылающих к реальности происходящего, но белорусское телевидение не заметило этого.

После уничтожения палаточного лагеря, для иллюстрации аморальности его участников, белорусское телевидение со скопофильским наслаждением смаковало перемешанные с мусором палатки, в которых люди в штатском, на удивление оперативно, «находили» и демонстративно извлекали перед телекамерами одноразовые шприцы, порнографические журналы и загадочный белый порошок в пакетике. Правда, пакетик был похож скорее на вкусоароматическую добавку для лапши быстрого приготовления. Впрочем, лапши в эфире, в том числе и приготовленной на скорую руку, было предостаточно. Но молчание и «правда факта» — пакетик же с белым порошком(!) — должны отсылать зрителей к идее об употреблении наркотиков. Кто же еще, как не наркоманы, могли протестовать и быть чем-то недовольными в Беларуси — самой счастливой и стабильной стране на постсоветском пространстве?

Показательно, с каким упорством белорусские медиа культивируют алкогольное «бегство от реальности». Тема алкоголя и его роли в социальных преобразованиях все еще остается актуальной. Так получается, что социальные преобразования задумываются на трезвую голову, но к моменту их реализации сознание неизбежно затуманивается алкоголем. Когда же приходит время разбираться с тем, что было сделано, то оказывается, что без следующей дозы спиртосодержащей жидкости уже ничего не представляется возможным понять.

Белорусская идеология таит в себе множество противоречий и взаимоисключающих положений. Наиболее очевидное — это противоречие между одновременными требованиями увеличения потребления пива и соблюдения здорового образа жизни, трудовой дисциплины.

Отношение к употреблению пива удивительным образом трансформируется: когда речь заходит о государственной программе развития белорусского пивоварения, то цель увеличить производство и потребление пива с 20 до 60 литров на человека в год преподносится как забота об отечественном производителе. А употребление белорусского пива «приравняется» к акту проявления патриотизма. Пьешь белорусское пиво — патриот. Но как только перед медиа возникает иная задача: показать «оппозицию» как собрание пивных алкоголиков, — то употребление пива оказывается просто глумлением над здоровым и спортивным образом жизни белорусского общества. Пьешь белорусское пиво — оппозиционер.

Из личных наблюдений. Вечером 21 марта в трамвае группа молодежи громко и взахлеб обсуждала недавно коллективно пережитый «экшн». Они от кого-то убегали, за кем-то гнались... Иногда в эмоциональном порыве молодые люди пытались перекричать друг друга. Первое, что пришло в голову, наверное, ребята благополучно избежали ареста после митинга. Но их дальнейшее повествование неожиданно перешло к перечислению «заваленных» монстров, террористов и потерь среди боевой команды. Печально, но очевидно: эмоциональные потрясения вызваны компьютерными играми, а не участием в политической жизни страны. Можно отметить, что часть населения так и не вышла из уютной и безопасной виртуальной реальности, которая создается и поддерживается в том числе и национальными медиа. Даже те, кто уклоняется от идеологической интерpellации как «члены монолитного белорусского общества», могли ничего не заметить 19–25 марта 2006 г. в Минске, в силу того что были полностью погружены в собственную виртуальную реальность... Более того, негосударственная ежедневная газета «Вечерний Минск», чья редакция располагается в одном прогоне метро от Октябрьской площади, так и не заметила происходящего. Вообще, как если бы ничего и не было.

Накануне 19 марта произошло как минимум два значимых события в мире: умер Слободан Милошевич, а во Франции начались активные протесты студентов против нового закона о контракте первого найма для французских молодых специалистов до 26 лет, которых работодатель мог уволить без объяснения причин. Прямой связи между этими событиями и Беларусью нет, но если посмотреть на то, с каким рвением превозносится в Беларуси обязательное двухлетнее распределение как гарантия первого трудового места, то студенческие бунты во Франции не кажутся чем-то далеким и невозможным. Тем более что в апреле французы добились-таки отмены этого закона. А что касается Милошевича, хоть он и не был ни разу в Беларуси, но его политические контакты так или иначе были связаны с Минском. Когда же традиционно далекий от белорусских событий телеканал *EuroNews* обратил внимание на происходящее в Беларуси, то выпуски новостей состояли из трех тем: смерть Милошевича, президентские выборы в Беларуси и студенческие манифестации во Франции. Не возьмусь

даже фантазировать на тему, что происходило в головах у белорусских зрителей телеканала *EuroNews*, когда они сталкивались с такой последовательностью новостей. Это тот случай, когда последовательность таит в себе дополнительные, неучтенные ранее смыслы.

Но и с *EuroNews* в белорусском контексте возникла скандальная история. Дело в том, что в Беларуси ретранслируется русскоязычная (читай, московская) версия *EuroNews*. Отличие языковых версий канала состоит в том, что используется один и тот же видеоряд, но он сопровождается различными комментариями. «Нюансы перевода» иногда оказывались столь разительными, что голос за кадром на панъевропейском *EuroNews* все больше и больше стремился к интерпретации событий информационной службой телеканала «Россия».⁸

Основная медиа-практика на прошедших в марте выборах – это фигура умолчания. По большому счету, постоянно говорилось почти одно и то же. Гораздо интереснее то, что не озвучивалось и умалчивалось. Конечно, этот риторический прием не применялся в отношении действующего президента, деятельность которого являлась основой для информационных программ, все больше напоминающих передачи в стиле «один день с...», «одна неделя с...».

Следует разоблачить чрезвычайно эффективную стратегию власти, направленную на убеждение электората, что голосовать (читай, выбирать) можно и нужно только тогда, когда это легитимировано и санкционировано сверху. Эта стратегия основывается на аморальном убеждении в необходимости делегировать полномочия решать и быть ответственным за свою собственную жизнь, за свою судьбу и судьбу своих детей (сравни с высказыванием, что «говорить за других – это подлость»⁹). Получается, что необходимо выбирать кого-то, кто будет все решать за человека. А человеческая жизнь состоит из нескольких таких ключевых выборов, которые определяют всю жизнь. Но эти судьбоносные решения принимаются один раз в пять(?) лет. Остальное время – тотальный фатализм, маскирующийся под счастливое и беззаботное существование. Белорусская идеология конструирует достаточно ущербную позицию для белорусского избирателя в политической жизни, редуцируя ее к нескольким возможностям «проголосовать». Все остальное время электорат должен быть свободен от необходимости участия в политической жизни.

Чтобы уклониться от подробного описания манипуляций и произвольных интерпретаций данных, полученных в ходе различных социологических исследований, приведу только один пример, указывающий на масштабы проблемы. В выпуске новостей на Первом национальном телеканале 19 марта еще в 10.00 были названы результаты экзит-полов, проведенных социологической службой Белорусского комитета молодежных организаций. По ее информации, на основании опросов полторы тысячи человек выяснилось, что «за» Лукашенко проголосовало 82,3%. Эти данные показали невероятную точность данных белорусских социологов, поскольку прогноз только на 0,7% отличался от окончательных официальных результатов.

Результаты выборов, поспешно признанные Россией, Китаем, Кубой и не признанные ЕС и США, не способствовали сплочению белорусского общества. На этом поприще особенно отличились «международные» наблюдатели от стран СНГ, которые в эфире всех белорусских телеканалов наперебой говорили об отсутствии нарушений, о том, что им очень понравилось в Беларуси и... что «Минск очень зеленый город». И это в марте, когда еще лежал снег... Да, при таком восприятии реальности действительно трудно было увидеть нарушения...

За последние двенадцать лет в Беларуси выросло новое поколение, которое уже не помнит, как быстро рассыпался «бессмертный» Советский Союз, как скорострительно скончалась «неприступная» ГДР, и знает только одного бессменного(?) руководителя Беларуси. Но это не помешало сформироваться протестным настроениям и в этой среде. В результате избирательной кампании вопрос о том, может ли телевидение врать, сменился другим вопросом: может ли оно не врать? И о соотношении информации и дезинформации. Ответ на него можно найти у Ги Дебора, который полагает, что «дезинформация считается дурным использованием истины. Тот, кто ее распространяет, – виновен, а тот, кто ей верит, – недоумок»¹⁰.

Пожар на болоте, или Некоторые амбициозные выводы

По моему мнению, главный итог этой политической кампании – свершившаяся революция. Она, как и разруха, происходит сначала в головах и только потом выплескивается на улицы. Сегодня мы не узнаем себя вчерашних, а нас завтрашних трудно даже представить. Белорусская революция протекает по уникальному сценарию, сдобренному национальными особенностями. Возможно, что лучшей метафорой может стать болото, точнее, пожар на болоте.

Особенность пожара на болоте, когда горит торф, состоит в том, что на поверхности сильный дым, густой смог, затрудняющие дыхание, но открытого пламени нигде нет. На первый взгляд, огня просто нет. Огонь глубоко внутри, огонь выжигает нутро болота дотла, уничтожая и тотально опустошая его изнутри. Однако местами огонь неконтролируемо вырывается наружу. Эти открытые очаги возгорания еще можно потушить, но потушить огонь в глубине болота практически невозможно. Остается ждать, пока оно полностью выгорит или его зальют затяжные осенние дожди.

Сегодня белорусская революция в разгаре, и те, которые ее не замечают, просто не желают оторваться от красно-зеленых телеэкранов и посмотреть вокруг. На телеэкранах, как и раньше, белорусские «торфяники уже засажены картофелем» или засаживаются, а «пожара» в эфире нет. Телевидение пока не способно передавать запах дыма, но чтобы учуять, что пахнет «жареным», достаточно просто выйти на улицу.

Азартные игры и алкоголь, все то, что способствует разрушению моральных конвенций в обществе, расшатывая границы допустимого

и табуированного, в ходе этой политической кампании были задействованы максимально. В результате получилось, что хороший электорат — это пьяный электорат, который предпочитает избирательному бюллетеню лотерейный билет.

P.S. Утром того же дня, когда был разгромлен палаточный городок, работники «Минскзеленстроя» в оранжевых костюмах начали «приводить в порядок» деревья в городе. Основным инструментом упорядочивания природы является пила, с помощью которой все деревья вдоль дорог становятся одной высоты с одинаково обезображенными «кульяпками» веток. Но очень быстро деревья оживут, и ветки отрастут заново, нарушив установленный жесткой рукой порядок. С маниакальным упорством деревья стригут каждый год, но они неизбежно отрастают снова...

Примечания

- ¹ Фуко М. *Политика — это продолжение войны другими средствами* // Фуко М. *Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью*. М.: Праксис, 2002. С. 148.
- ² Фуко М. *Интеллектуалы и власть* // Фуко М. *Интеллектуалы и власть...* С. 69.
- ³ Андерсон Б. *Воображаемые сообщества. Размышляя об истоках и распространении национализма*. М., 2001. С. 31.
- ⁴ Бергер П., Лукман Т. *Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания*. М.: Медиум, 1995. С. 42.
- ⁵ Там же. С. 52.
- ⁶ Там же. С. 59.
- ⁷ Жижек С. *Возвышенный объект идеологии*. М.: Художественный журнал, 1999. С. 167.
- ⁸ См. подробную информацию по различию в комментариях англоязычной и русскоязычной версий телеканала *EuroNews* на сайтах www.belarus.indymedia.org и www.charter97.org
- ⁹ Фуко М. *Интеллектуалы и власть...* С. 70.
- ¹⁰ Дебор Г. *Комментарии к Обществу спектакля* // Дебор Г. *Общество спектакля*. М: Издательство «Логос», 2000. С. 147.